

От сочинителя

Если вы, молодой читатель, перелистаете эту книгу, посмотрите картинки, заглянете в оглавление, прочитаете по несколько страниц там и тут, то первым вопросом, который вы зададите, будет, наверное, такой: «А это правда так и было?» Я отвечу: и да и нет.

Правда то, что были славные победы греков над персами, а потом сказочно быстрое завоевание Востока Александром Македонским. Правда то, что спаргандцы были непобедимыми воинами, а афиняне лучше других строили мраморные храмы и сочиняли трагедии для театра. Правда то, что в греческом языке впервые появилось слово «философия» и что в Александрийской библиотеке занимались почти всеми теми же науками, какими занимаемся и мы.

Но что вокруг этих событий было столько кстати сбывавшихся предсказаний оракулов; что все герои были героями без страха и упрека, а злодеи — злодеями до глубины своей черной души; что все речи, которые при этом говорились, были такими умными, краткими и складными; что все диковинки земной природы и людских обычаев, о которых слышали древние греки, были и вправду таковы, — за это, конечно, поручиться нельзя. Здесь много выдумки. Чья же это выдумка?

Выдумал это сам греческий народ. Так ведь бывает всегда: когда случится какое-нибудь интересное

событие, вести о нем передаются из уст в уста, обрстая новыми и новыми живописными подробностями, и под конец факты так тесно сплетаются с легендами, что ученому-историку приходится много трудиться, чтобы отделить одно от другого.

Как историки восстанавливают действительный облик событий по противоречивым рассказам о них — об этом можно было бы написать очень интересно, но это уже была бы совсем другая книга. Наша же книга — о том, каким запомнили свое прошлое сами древние греки. Можно ли судить о человеке по тому, что он сам о себе рассказывает? Можно: даже когда он присочиняет, мы видим, каков он есть и каким ему бы хотелось быть. Вот так же можно судить и о целой древней культуре по ее рассказам о себе.

Все, что для нас сейчас само собой разумеется, когда-то было открыто впервые. И то, что надо слушаться закона; и то, что параллельные прямые нигде не пересекаются; и то, что биение пульса в человеке — от сердца; и то, что мысль о вещи может больше о ней сказать, чем взгляд на эту вещь; и то, что интересные истории можно разыгрывать в лицах и тогда это называется драма. Такие открытия порознь делались и в Вавилоне, и в Индии, и в Китае, и в Греции. Но наша собственная цивилизация, новоевропейская, развивалась главным образом на основе древнегреческой (и сменившей ее древнеримской). Поэтому древнегреческие открытия ближе нам, чем какие-нибудь иные.

Из столетия в столетие в учебниках математики переписывались почти те же определения, какие были когда-то даны Евклидом; а поэты и художники упоминали и изображали Зевса и Аполлона, Геракла и Ахилла, Гомера и Анакреонта, Перикла и Александра Македонского, твердо зная, что читатель и зритель сразу узнает эти образы. Поэтому лучше узнать древнегреческую

культуру — это значит лучше понять и Шекспира, и Рафаэля, и Пушкина. И в конечном счете — самих себя. Потому что нельзя ответить на вопрос: «Кто мы такие?», не ответив на вопрос: «Откуда мы такие взялись?»

Впрочем, это я забегаю вперед. Потому что «познай самого себя» — это тоже один из заветов древнегреческой цивилизации, и вы еще не раз с ним встретитесь в этой книге. Желаю вам успеха!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Греция
становится Грецией,
или
До закона было
предание*

Есть племя людей,
Есть племя богов,
Дыхание в нас — от единой матери,
Но сила нам отпущена разная:
Человек — ничто,
А медное небо — незыблемая обитель
Во веки веков.
Но нечто есть,
Возносящее и нас до небожителей, —
Будь то мощный дух,
Будь то сила естества, —
Хоть и неведомо нам, до какой межи
Начертан путь наш дневной и ночной
Роком.

Пиндар

ВНАЧАЛЕ БЫЛА СКАЗКА

Историческая наука начинается с хронологии. Это, может быть, самая скучная часть истории, но и самая необходимая. Если не знать, что было в прошлом раньше и что потом, то все остальные знания теряют всякий смысл.

Греки это понимали и заучивали хронологию старательно. На острове Паросе старание дошло до того, что большая хронологическая таблица по греческой истории была вырезана на мраморе и выставлена на площади, чтобы прохожие смотрели и просвещались. Таблица эта сохранилась. Но выглядит она, на современный взгляд, немного странно. Вот ее начало с небольшими сокращениями.

.....ΟΥ.....ΝΓΑΝ.....Ν.....ΝΝΑΝΕΓΡΑΥΔΤ
.....ΑΡΞΑΜ.....ΣΑΓΟΚΕΚΡΟΠΟΣΤΟΥΠΡΟΤΟΥΒΑΣΙΛΕΥΣΑΝΤΟΣΑΘΗ
.....ΥΑΝΑΚΤΟΣΑΘΗΝΗΣΙΝΔΕΔΙΟΓΝΗΤΟΥ ΑΦΟΥΚΕΚΡΟΥΑΘΗΝΩΝ
ΜΕΝΗΑΚΤΙΚΗΝΑΠΟΑΚΤΑΙΟΥΤΟΥΑΥΤΟΧΡΟΝΟΣΕΤΗΧΗΝΗΝΔΓΠΙΑΦΟΥ
...ΝΤΟΣΑΘΗΝΩΝΚΕΚΡΟΠΟΣΕΤΗΧΗΝΗΝΔΑΦΟΥΔΙΚΗΝΑΘΗΝΗΣΙ...ΝΕΤ

- Год 1582 до н. э. Царь Кекроп воцаряется в Афинах.
- Год 1529. Всемирный потоп, из которого спаслись Девкалион и Пирра.
- Год 1519. Царь Кадм, основатель Кадмеи, пришел в Фивы из Финикии и научил греков письменности.
- Год 1432. Царь Минос, сын Зевса, воцарился на Крите, а фригийские карлики научили греков ковать железо.

- Год 1409. Богиня Деметра пришла в Афины и научила греков земледелию.
- Год 1300. Геракл, очистив Авгиевы конюшни и победив царя Авгия, учредил Олимпийские игры.
- Год 1260. Тесей, убив Минотавра, освободил Афины от дани, дал им законы и учредил Истмийские игры.
- Год 1251. Поход Семерых против Фив, и тогда же учреждены Немейские игры.
- Год 1208. 5 июня. Взятие Трои после десятилетней Троянской войны.
- Год 1202. Орест, сын Агамемнона, мстя за отца, убивает свою мать, но оправдан судом Ареопага.
- Год 1128. Переселение дорян во главе с царями Гераклидами в Пелопоннес.
- Год 1085. Гибель Кодра, афинского царя, в войне с дорьянами. Конец царской власти в Афинах.
- Год 937. Расцвет поэта Гесиода.
- Год 907. Расцвет поэта Гомера.
- Год 895. Аргосский царь Фидон ввел в употребление точные меры, веса и деньги...

Вы скажете: «Разве это история? Это сказка! Это все равно что составлять таблицу по хронологии Киевской Руси и включать в нее даты: тогда-то Илья Муромец убил Соловья-разбойника, а тогда-то Руслан — Черномора».

Грек, услышав такие слова, обиделся бы. Может быть, он сам из знатного рода, который возводит свое происхождение к одному из мифологических героев, упомянутых здесь. Спартанский царь Леонид, герой Фермопил, считал себя прапра- (повторите это «пра-» 20 раз!) — правнуком Геракла. Сроком жизни челове-

ческой греки считали 70 лет, лучший срок для рождения сына — середина жизни, 35 лет. Леонид погиб в 480 г. до н. э. Отсчитайте от этой даты 23 раза по 35 лет (жизнь Леонида и 22 поколений его предков) и вы окажетесь в 1285 г. до н. э., как раз в том времени, в которое Паросская таблица поселяет Геракла. Как же не верить такой хронологии?

И не только тщеславные цари, но и более серьезные люди часто возводили свой род к героям и богам. Гиппократ был великим ученым, отцом греческой медицины; мы с ним еще встретимся в этой книге. Он был из рода потомственных врачей, Асклепиадов, а род этот начало вел от Асклепия, бога врачевания, сына Аполлона; Гиппократ был потомком бога в 18-м поколении. Если сделать расчет лет, то получится: бог жил незадолго до Троянской войны. И правда: в «Илиаде» написано, что сын бога Асклепия, Махаон, был, так сказать, главным врачом греческого войска под Троей. (Знаете большую яркую бабочку-махаона? Так вот, она названа в честь этого самого врача-полубога, а почему — я не знаю.)

Поэтому не будем смеяться заранее. Для грека хронология мифов была делом важным. Ею занимались большие ученые. Эратосфен, великий математик, впервые рассчитавший размер земного шара (как он это сделал, мы узнаем в последней части этой книги), столь же усердно рассчитывал и дату падения Трои. Кстати, она у него получилась другая, чем на Паросской таблице: 1183 год. Но это уже мелочи.

И еще два слова. Я сказал, что начало Паросской таблицы я переписал с небольшими сокращениями. Но я сделал в ней еще одно изменение — очень простое и очень бросающееся в глаза. Какое? Попробуйте догадаться. Кто не догадается, для тех я скажу об этом на 49-й странице.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДОРЯН

Если вы пересмотрите Паросскую хронологическую таблицу и попытаете угадать в ней то место, где кончается мифология и начинается история, то, скорее всего, это будет загадочная строчка: «Год 1128. Переселение дорян во главе с царями Гераклидами в Пелопоннес». Загадочная — потому, что если кто из вас и помнит, кто такие Гераклиды, то вряд ли представляет, что это было за переселение.

А переселение было: это и вправду не только мифология, но и уже история. Греки — не исконные жители Греции, они — пришельцы. Они пришли сюда с севера, из-за Балкан; где и с кем они жили раньше — об этом ученые спорят до сих пор. Сами греки этого не помнили. Но они хорошо помнили другое — что переселялись они сюда двумя волнами. Первыми переселились ахейские племена; это об их царствах и княжествах сохранилась память в мифах. Вторыми переселились дорийские племена; и об этом переселении был сложен, можно сказать, последний греческий миф, а потом началась история. Миф был вот какой.

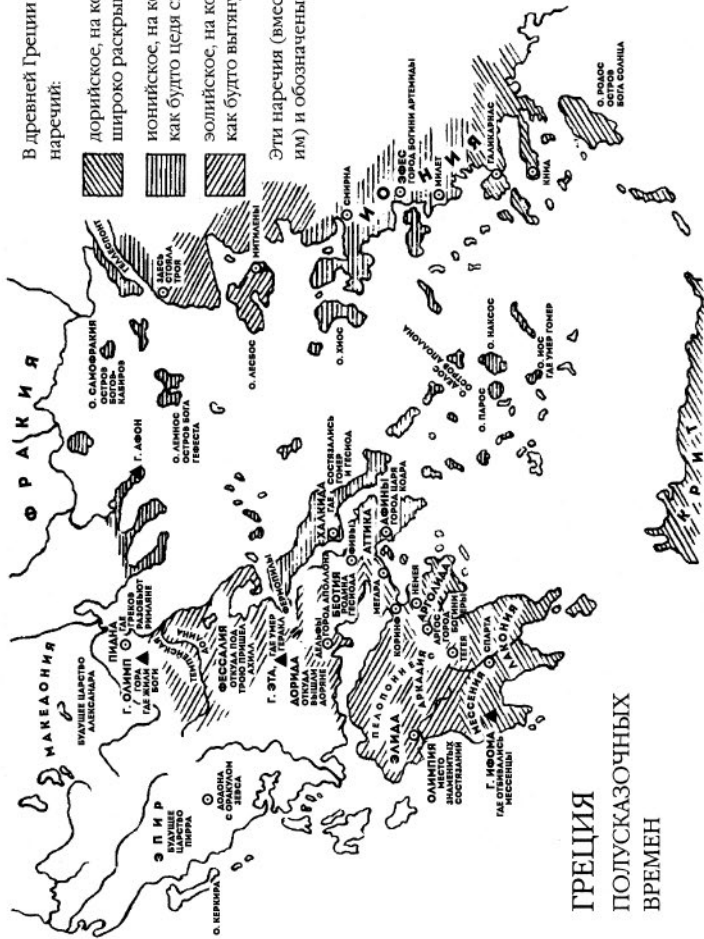
Самым славным греческим героем был Геракл. Он был потомком аргосских царей. Но сам он не был царем: всю жизнь он прожил бездомным тружеником на чужих службах. Умирая, он приказал сжечь себя на костре на вершине горы Эты. От этого костра у подножия Эты забили горячие источники: по этим источникам соседний горный проход стал называться «Горячие ворота» — Фермопилы.

Рядом с горой Этой лежит крошечная горная область — Дорида. Здесь нашли приют сыновья Геракла; старшим и главным из них был Гилл. Им было тесно в маленькой Дориде. Они собрали дружину из храбрых дорийских горцев и решили идти на Пелопоннес — добывать аргосское царство своих предков.

В древней Греции были три группы наречий:

- дорийское, на котором говорили, широко раскрывая рот;
- ионийское, на котором говорили, как будто щедя сквозь зубы;
- эолийское, на котором говорили, как будто выгнув губы трубочкой.

Эти наречия (вместе с родственными им) и обозначены на этой карте

ГРЕЦИЯ ПОЛУСКАЗОЧНЫХ ВРЕМЕН

Перед походом, как водится, обратились к оракулу. (Оракул — это не человек, а святилище, где жрецы давали предсказания от имени бога; как это было устроено, мы расскажем дальше.) Получили ответ: «Ждите третьих плодов и ступайте через теснину». Гилл рассудил, что «третьи плоды» — это третий урожай, третье лето; он выждал два года, а на третий год повел своих дорян через «теснину» Коринфского перешейка. Навстречу им вышли местные ахейцы. Договорились решить спор единоборством вождей. Вожди сошлись — и Гилл пал. Дорьянам пришлось ни с чем воротиться в Дориду.

Вновь обратились к оракулу: «Почему ты нас обманул?» Оракул ответил: «Вы сами не захотели правильно понять вещание. Плоды — не земные, а людские; теснина — не суша, а море». Гераклиды поняли: победа достанется не им, а только третьему поколению после них, и идти к ней нужно не по узкому Коринфскому перешейку, а вплавь через узкий Коринфский залив.

Пока сменились три поколения, прошло сто лет. Гераклиды терпеливо ждали своего срока. Наконец за сыновьями и внуками выросли правнуки: три брата — Аристодем, Темен и Кресфонт. Собрали войско, построили корабли для переправы. Вновь спросили прорицания у оракула: «Что нам сделать, чтобы победить?» Ответ звучал таинственно: «Возьмите трехглазого проводника». Братья задумались. Вдруг на дороге показался всадник на коне, слепом на один глаз. Это был этолийский князь Оксил: он убил родственника, десять лет бедовал в изгнании и теперь возвращался на родину. Его стали уговаривать примкнуть к походу. Он легко согласился, но сразу выговорил себе награду: один из лучших кусков Пелопоннеса — Элиду.

С трехглазым проводником трое братьев переправились в Пелопоннес, одержали долгожданную победу

над ахейцами и стали делить завоеванные места. Середина Пелопоннеса — это дикое лесистое нагорье, но по сторонам его лежат четыре плодородные долины: на востоке — Аргос, на западе — Элида, на юге — Лакония и лучшая из всех — Мессения. Элиду отдали Оксилу, а о трех других областях три брата бросили жребий. В горшок с водой каждый опустил по камню: чей вынется первым, тот будет владеть Аргосом, чей вторым — Лаконией, чей третьим — Мессенией. Аристодем и Темен опустили свои жребии честно, а Кресфонт схитрил. Ему хотелось получить урожайную Мессению, и он бросил в воду вместо камня ком земли, который разошелся в воде. Аргос достался Темену, Лакония — Аристодему, Мессения осталась на долю лукавого Кресфонта.

Совершив дележ, братья на трех алтарях принесли жертвы Зевсу. А наутро на их алтарях оказалось по неожиданному животному: на аргосском — жаба, на лаконском — змея, на мессенском — лиса. Гадатели, посоветовавшись, объяснили: жаба — животное малоповоротливое, так что аргосским дорянам лучше не ходить на войну; змея — грозное, так что лаконским дорянам будет сопутствовать победа; а лиса — хитрое, в чем каждый мог и сможет убедиться. Братья переглянулись, поняли хитрость Кресфонта и затаили злую память на мессенских дорян.

ЦАРЬ КОДР

Когда доряне заняли Пелопоннес, то пелопоннесские ахейцы или подчинились им, или ушли в глухие горные местности. А самые знатные и гордые роды стали покидать страну и переселяться на север: в Беотию, где жило третье большое греческое племя — эоляне, и в Аттику, где жило четвертое племя — ионяне.

Их принимали гостеприимно, особенно в Аттике. Здесь как раз в это время умер последний царь из рода славного Тесея, победителя Минотавра. Старейшины посовещались и выбрали новым царем пришельца — ахейца из царского рода по имени Кодр.

Пелопоннесским дорьянам было обидно видеть, что беглец из-под их власти стал царем на чужой стороне. Они пошли на Аттику войной и осадили Афины. Осада оказалась делом трудным, решили послать к оракулу и спросить: «Возьмем ли мы Афины?» Оракул ответил: «Возьмете, если не тронете царя». Доряне объявили по всему войску строгий приказ: никому не трогать царя Кодра ни под каким видом — и продолжали осаду.

В Афинах тоже узнали об ответе оракула. И царь Кодр решил спасти город ценой своей жизни.

Он оделся в рваное мужицкое платье, взвалил на плечи мешок, взял кривой серп для обрезания веток, вышел за ворота и стал собирать хворост. Его схватили и поволокли в дорийский лагерь. Он стал отбиваться, взмахнул серпом и ранил какого-то воина. Это разъярило дорян, его убили, а труп бросили в поле.

Афинские старейшины выслали в дорийский стан посольство: «По священным обычаям предков верните нам для погребения тело нашего царя!» — «Мы не трогали вашего царя!» — ответили им. «Вот он!» — показали афиняне на мертвое тело в лохмотьях и с вязанкой хвороста за плечами. Доряне взгляделись и поняли: предостережение оракула они не соблюли. Они отдали убитого Кодра, сняли осаду и ушли из Аттики ни с чем.

Кодра похоронили как героя у ворот спасенных им Афин. Над его могилой насыпали высокий курган и засеяли его пшеницею — в знак того, что он отдал жизнь за счастье и процветание приемного отечества.

А старейшины, поразмыслив, постановили: после Кодра никто в Афинах не достоин носить имя «царь» —

отныне глава государства будет выборным и будет называться просто правителем, по-гречески — архонтом.

Первые архонты в Афинах выбирались пожизненно и только из числа потомков Кодра; потом только на десять лет; потом только на один год — и уже из любых знатных семейств. Первые архонты управляли единовластно; потом в помощь такому архонту стали выбираться еще три, поделивших между собой три главные царские заботы, — архонт-жрец, архонт-воевода и архонт-судья; потом одного архонта-судьи стало мало, и начали выбирать целых шесть. Так составила коллегия девяти архонтов, управлявших Афинами в течение года; а отслужив свой срок, они становились членами совета старейшин, заседавшего на холме бога Ареса — Ареопаге.

Так в Афинах власть царя сменилась властью знати — монархия сменилась аристократией.

ГОМЕР РАССТАЕТСЯ СО СКАЗКОЙ

Семь спорят городов о дедушке Гомере —
В них милостыню он просил у каждой двери.

Английская эпиграмма

После переселения дорян в Греции сразу стало тесно. Нужно было искать новые земли. Люди стали собираться отрядами, садились на корабли и отправлялись за море основывать новые греческие поселения на иноземных, «варварских» берегах.

Первое направление этой колонизации напрашивалось само собой: через Эгейское море, на противоположный малоазиатский берег. Все четыре греческих племени зашевелились и тронулись с места. С острова на остров, как с камня на камень, они перешли Эгейское море. Эоляне заняли север малоазиатского побережья

с островом Лесбос, доряне — юг с островом Родос, ионяне — середину с островами Хиос и Самос и с новооснованными городами Смирной, Эфесом, Милетом. Ахейцы же обратились в другую сторону и направили первые корабли в бурное западное море, к берегам Италии и Сицилии.

Новые места всколыхнули старые воспоминания. Поселенцы малоазиатских берегов вспоминали, как невдалеке от этих мест их давние предки бились под Троей; разведчики западных морей вспоминали, как в этих же краях скитался по дороге на родину Одиссей. И когда знатные люди новых городов сходились на пиры и развлекались песнями, они все чаще требовали, чтобы им пели про Троянскую войну и про странствия Одиссея.

Пели эти песни сказители — аэды. Они передавали их из рода в род, изменяли или дополняли древние песни, слагали по их образцу новые. Поколения аэдов выработали для песен мерный длинный стих — гекзаметр, поэтический язык, богатый старинными словами и оборотами, набор готовых выражений для описания часто повторяющихся действий. Такие песни были очень похожи на наши былины. И длиной они были как былины: на час пения или около того, чтобы слушатели не заскучали. Если нужно, певец всегда мог и сжать и растянуть свой рассказ — например, добавить подробностей, — как герой, вооружаясь к бою, надевает сперва поножи, потом панцирь, потом шлем, берет меч, потом щит, потом копьё, и какой мастер изготовил этот щит, и от какого предка достался ему этот меч.

Таким аэдом, бродячим слепым сказителем, был и Гомер — тот, кто впервые создал вместо коротких песен две большие поэмы-эпопеи: «Илиаду» о Троянской войне и «Одиссею» о возвратных странствиях

героя. О самом Гомере никто не помнил ничего достоверного — даже места его рождения:

Семь городов соревнуют за мудрого корень Гомера:
Смирна, Хиос, Колофон, Саламин, Пилос, Аргос, Афины.

Эти семь спорили всего упорней; но и другие города считали себя родиной Гомера — даже Вавилон и Рим. Соглашались лишь в том, что жил он бродячим бедняком, зарабатывая на жизнь пением песен. Например, таких:

Если вы денег дадите, спою, гончары, я вам песню:
«Внемли молитвам, Афина! десницею печь охраняя,
Дай, чтобы вышли на славу горшки, и бутылки, и миски,
Чтоб обожглись хорошенько и прибыли дали довольно,
Чтоб продавались бойко на рынке, на улицах бойко,
Чтобы от прибыли жирной за песню и нас наградили».

Если ж, бесстыжее племя, певца вы обманете
дерзко,
Тотчас же всех созову я недругов печи гончарной:
«Эй, Разбивака, Трескун, Горшколом, Сыроглинник
коварный,
Эй, Нетушим, на проделки во вред ремеслу тороватый,
Бей и жаровню, и дом, вверх дном опрокидывай печку,
Все разноси; гончары же пусть криком избу оглашают...
Пусть они с жалобным стоном на лютое бедствие
смотрят!»

Буду, смеясь, любоваться на жалкую долю злодеев.
Если спасать кто захочет, тому пусть голову пламя
Всю обожжет, и послужит другим его участь наукой.

«Илиада» и «Одиссея» — очень длинные поэмы, по триста с лишним страниц. Переход от сочинения небольших былин к сочинению длинных связных эпикей — дело сложное. Тут было два пути. Один более легкий: можно было нанизать эпизоды подряд, слагивая конец одного с началом другого, от самого похищения Елены и до возвращения всех героев. Другой более трудный: можно было взять какой-нибудь один

эпизод и, расширяя его подробностями, вместить в него все, что было поэтически интересного во всей Троянской войне.

Гомер пошел по трудному пути. Он выбрал для каждой поэмы только по одному эпизоду из десятилетней войны и десятилетних странствий. Для «Илиады» это гнев Ахилла на Агамемнона и его жестокие последствия: гибель Патрокла и месть Ахилла Гектору. Для «Одиссеи» это последние два перехода в плавание героя: от острова Калипсо до острова феаков и от острова феаков до родной Итаки, а там — встреча с сыном, расправа с женихами Пенелопы и примирение. Все предшествующие эпизоды скитаний Одиссея вложены в его рассказ о себе на пиру у феаков; все остальные эпизоды Троянской войны вложены в попутные упоминания в речах действующих лиц. А за всем этим — то в ходе рассказа, то в пространным описании, то в беглом сравнении — проходит целая энциклопедия картин народной жизни — труд пахаря и кузнеца, народное собрание и суд, дом и сражение, оружие и утварь, состязания атлетов и детские игры. Нынешнему читателю они могут показаться длиннотами, отвлекающими от действия, но современники Гомера ими наслаждались.

Это не случайно. Это значит, что современники Гомера почувствовали: между ними и мифическими временами легла непреходимая грань. По эту сторону — будни, труды, гнет, бедность, засилье гордой и жестокой знати; по ту сторону — подвиги, величие, богатство, блеск, каждый доблестен, могуч и благороден, и всякую подробность хочется бережно сохранить в памяти и подолгу ею любоваться. Поэтому поэмы Гомера так длинны, и поэтому они так подробны. В них Греция, вступая на порог истории, прощается с царством сказки.

ПРОЩАНИЕ ГЕКТОРА С АНДРОМАХОЙ

Вот один из самых знаменитых эпизодов «Илиады». Идет первый большой бой, описанный в поэме. Ахилл уже поссорился с Агамемноном и уже отстранился от битв, но греки еще сильны и теснят троянцев. Тогда троянский вождь Гектор покидает поле сражения и идет в Трою: пусть троянские женщины помолятся враждебной Афине, — может быть, она смилостивится и пощадит троянцев. Отдав распоряжения, он хочет увидеть свою жену Андромаху и своего младенца-сына Астианакта («Градовластителя»): вдруг он погибнет в бою и больше их не увидит? И он встречает их у самых ворот, ведущих к полю боя. В общем ходе событий «Илиады» это пауза, передышка, обо всем этом можно было бы и совсем не рассказывать, но Гомер вмещает сюда и трагический контраст грозной военной и мирной семейной жизни, и — в словах Андромахи — эпизод из начальных лет Троянской войны, и — в предвиденье Гектора — грядущий исход войны, и долг тех, кто со щитом, и долю тех, кто за щитом.

Гектор, пройдя через город широкий, ворот достигает
Скейских — как раз через них и выход был на равнину, —
Вдруг домовитая тут ему повстречалась супруга,
Дочь Этиона великодушного Андромаха.

Жил Этион-отец у подножья лесистого Плака
В Фивах нижнеплакийских и киликийцами правил;
Дочь же его за меднодоспешного Гектора вышла.

Там она встретилась с мужем; за нею

почтенная няня,

Нежно прижавши к груди младенца, несла малютку,
Сына Гектора милого, — был, как звезда, он прекрасен,
Гектор Скамандрием звал его, прочие ж в городе люди
Астианактом за то, что оплотом для Трои был Гектор.
Как поглядел на ребенка, невольно отец улыбнулся.
Рядом жена Андромаха стояла и плакала горько.

За руку мужа взяла она и так говорила:

— Ты, удивительный, сам себя губишь своюю

отвагой.

Видно, не жалко ни сына тебе, ни меня, горемычной,
Что вдовою скоро останусь: ведь скоро ахейцы,
Ринувшись все на тебя, умертвят, — а мне так отрадней
Было бы в землю сойти, чем мужа лишиться. Какое
В жизни мне будет тепло, когда тебя гибель постигнет?
Скорби одни! Ведь нет у меня ни отца, ни родимой:
Ах, убил отца моего Ахилл боговидный,
Да и город родной киликийцев сровнял он с землею —
Фивы высоковоротные. Но Этионово тело,
Даже убитого, не обнажил, сохраняя почтенье.
Сжег его он по чину с доспехами бранными вместе
И могильник насыпал. Вокруг же вязы взрастили
Горные нимфы, Зевеса эгидоносного девы.
Гектор, ты мне отец, и мать для меня ты, Гектор,
Ты один мне брат, и ты мне супруг цветущий,
Сжался теперь надо мной, останься с нами на башне,
Войско ж поставь у дикой смоковницы:

там всего меньше

Город наш защищен и доступней для приступа стены.

Ей отвечает сверкающий шлемом Гектор великий:

— Все, что ты здесь говоришь, и меня беспокоит,

но стыдно

Мне пред троянцами и троянками в длинных одеждах,
Если буду, как трус дрянной, уклоняться от битвы.
Сам я знаю отлично, поверь и сердцем и духом:
Будет некогда день — и священная Троя погибнет,
С нею погибнет Приам и народ копьеносца Приама!
Но не о гибели стольких троянцев теперь сокрушаюсь,
Не о братьях отважных моих, которые скоро
В прах полягут, убиты рукою врагов разъяренных, —
Лишь о тебе я горюю! Ахеец в панцире медном
Всю в слезах тебя уведет далеко в неволю:
В Аргосе будешь ты ткать полотно чужеземной хозяйке,
Воду будешь носить с Мисейдских ключей и Гиперских,
Сердце скрепя, подчиняясь невольно безрадостной доле.
Кто-нибудь, видя, как слезы ты проливаешь, промолвит:
«Гектора это жена, был в сраженьях воителем первым
Он среди войска троянцев, когда Илион разрушали».

Скажет так кто-нибудь, и сильней защемит на сердце:
Нет человека, который тебя от неволи б избавил.
Пусть же я умру и сыпучим песком закроюсь
Раньше, чем плен твой увижу и жалобный плач твой
услышу! —

Так говоря, наклонился к ребенку
блистательный Гектор,
Но младенец на грудь своей няни в одежде прекрасной
С криком отпрянул назад, испугавшись отцовского вида:
Меди он забоялся, султана из конской гривы,
Видя, как она свесилась с самой верхушки каски.
Милый отец и добрая мать рассмеялись на это.
Гектор блистательный шлем с головы своей

быстро снимает,
Ставит на землю проворно сияньем блестящую каску,
Сам же сына целует и, на руки взявши, высоко
Вверх поднимает, Зевсу молясь и прочим бессмертным:
— Зевс и вечные боги! взгляните на сына-младенца!
Вырастет пусть он, как я, выдающимся между троянцев.
Силы пошлите ему, добродетель, — да царствует мощно.
Чтобы могли сказать про него: «Отца превзошел он!» —
Глядя, как с битвы идет, возвращаясь с кровавой добычей,
Снятой с убитых врагов, материнское радуя сердце.

Сына с рук на руки передает он милой супруге.
Крепче она прижала дитя к груди благовонной
И улыбнулась сквозь слезы. Взглянул супруг, умилился,
Ласково обнял ее и так говорит напоследок:

— Бедная ты! Не кручинь обо мне свою душу
сверх меры.
Если судьба мне живым быть, никто на тот свет
не отправит,

А судьбы своей ни один не избегнет из смертных,
Ни дурной, ни хороший, с первой минуты рожденья.
Ты же домой отправляйся, займись своими делами,
Сядь за станок иль за прялку да наблюдай, чтоб без дела
Девушки не болтались. Война — занятие мужское:
Мне из мужчин илионских оно особенно близко.

Так сказав, поднимает свой шлем
блистательный Гектор
С конской гривой. Супруга ж домой пошла восвояси,
Но, не раз обернувшись, глазами его провожала...

СПАРТА, СЛАВНАЯ МУЖАМИ

Из трех государств, основанных дорянами в Пелопоннесе, самым сильным оказалось одно — лаконская Спарта. Его сила была в его организации. Это было государство, устроенное как военный лагерь.

В Спарте было три сословия — три класса: спартанцы, периэки, илоты. Спартанцы были потомками завоевателей-дорян, периэки и илоты — завоеванных ахейцев. Спартанцы правили и воевали, периэки ковали оружие и платили подать, илоты пахали и собирали жатву. Спартанцев было девять тысяч семейств: вся земля Лаконии была разделена для них на девять тысяч равных наделов — ведь на войне все равны. Илотов, государственных рабов, никто не считал, но их было вдесятеро больше. Спартанцев они ненавидели смертной ненавистью. Если бы спартанцы хоть на день забыли, что они на войне, Спарта была бы стерта с лица земли. Спартанцы этого не забывали. Они ели и спали с копьем в руке. Все статуи богов в Спарте были с копьями в руке — даже статуя Афродиты.

На войне люди живут только войною. Спартанцам было запрещено заниматься чем бы то ни было, кроме военного дела. Труд — дело периэков и илотов. Однажды Спарта созывала союзников для похода. Союзники роптали, что Спарта берет с них больше воинов, чем дает сама. «Это не так», — сказал спартанский царь. Он посадил спартанское войско справа от себя, союзные — слева, потом приказал: «Медники, встаньте!» Среди союзников некоторые встали, среди спартанцев — никто. «Горшечники, встаньте! Плотники, встаньте!» Под конец союзники стояли почти все, спартанцы сидели, как сидели. «Вот видите, — сказал царь, — настоящих воинов выставляем мы одни».